

С. ВАРШАВСКИЙ

«О противлении злу»

(От нашего пражского корреспондента)

Галлиполийское землячество и русское студенческое национальное объединение ознаменовали седьмую годовщину со дня смерти Л. Г. Корнилова устройством публичного собрания, на котором, кроме русских, присутствовали и представители чешской общественности. Председатель собрания П. Б. Струве дал краткую характеристику покойного вождя Добровольческой армии и предложил почтить его память вставанием, что и было исполнено. Затем слово было предоставлено временно гостящему в Праге проф. И. А. Ильину, выступление которого произвело очень большое впечатление.

Л. Г. Корнилов является ярким носителем того духа, той идеологии, которую проповедует оратор, и потому он связал свое выступление с его именем.

С большой смелостью, вооруженный тщательным изучением избранной темы, оратор обрушивается на «нелепое и злостное» учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу и хочет «перевернуть эту страницу в истории русской интеллигенции». Его задача — доказать, что Толстой извратил и ложно истолковал учение Христа, поставив сентиментальность, жалостливость, размягчение души на место действенной христианской любви, требующей борьбы со злом.

Оратор сознает и объемлет всю трудность стоящей перед ним задачи, но бросается в бой со всею страстностью убежденного человека и со всею верою в победный исход. Нет, конечно, никакой возможности в газетном отчете воспроизвести эту большую, захватывающую речь, но с основными положениями молодого философа мы попытаемся ознакомить читателя.

Нам кажется, что это нужно сделать, ибо его речь явилась своего рода событием в наших интеллигентских кругах и найдет, вероятно, немало откликов.

Всем своим темпераментом, всеми силами своей ищущей и негодующей души оратор ополчается против «жизненного дезертирства», против «моральной слякоти» наших дней и берет-ся доказать как христианин, и притом как православный, верующий христианин, что любовь христианская не исключает меча.

Надо только правильно определить природу любви, надо понять, что такое борьба со злом в христианском смысле слова.

Борьба со злом, ведомая злым существом, во имя зла не есть борьба. «Гад съедает другую гадину», по слову Достоевского, и сам потом находит свою гибель, но это не борьба в христианском значении слова. Только сопротивление злу, проистекающее из одухотворенной любви, есть истинная борьба и она не только не возбраняется христианством, но составляет долг христианина.

Две величайших заповеди положил Христос: любовь к Богу и любовь к ближнему. Что есть любовь к ближнему? Это любовь к божественному началу в ближнем, признание в нем сына Божия; только человек, нашедший сам в себе и утвердивший сына Божия, может постигнуть его и в другом, и люди суть братья лишь постольку, поскольку они — сыны Божии. Любовь к ближнему вытекает из любви к Богу, вторая заповедь — продолжение и развитие первой.

Под этим углом зрения, во имя искания божественного совершается новое измерение людей и понятий: любовь — это связь духа с духом.

В ближнем ценна его душа, искра Божия в нем, луч божественного...

Все обычные воззрения меняются при таком подходе к человеку и его жизни.

Обычное воззрение считает сытость лучше голода, здоровье выше болезни, власть выше подчинения, жизнь выше смерти, а истинно христианское воззрение может предпочесть голод сытости, болезнь — здоровью, подчинение — властвованию, смерть — жизни.

Обычное воззрение считает множество людей выше одного человека, а христианство противопоставляет одного многим, отрицает равенство, равноценность людей, ибо люди, подобно звездам, различествуют в славе своей.

Искание Божеского в человеке приводит к неприятию дьявольского: дьяволу можно желать преобразования, но любовное приятие дьявола невозможно.

Христос заповедал прощать врагов, но он говорил о личных врагах человека, а не учил нас любви к врагам Божьего дела и содействию растлителям малых сил.

Для этих растлителей, для врагов Божьего дела у Христа было и огненное слово, и изгоняющий бич, и грядущие вечные муки.

Христос учил прощать несчетно «брату, согрешившему против *меня*», но акт личного прощения нельзя смешивать с прощением соблазнительей, для которых жернов на шею — еще не самый худший исход.

Надо прощать *свою* обиду, быть кротким в отношении личного врага, но кто дал человеку право прощать обиду, нанесенную другому, подставлять не свою, а чужую щеку? Бездейственно созерцать злодеяние, совершаемое над ближним, не значит быть кротким, а равносильно соучастию в злодеянии. Божьи слуги нуждаются в мече для отвращения творимого перед ними зла. Их суждение может стать тяжким и безрадостным, и в борьбе с безвольным сентиментализмом они должны решаться на безжалостную суровость к отдельному человеку, на возмездие, на казнь.

Зло обладает четырьмя свойствами: оно едино, агрессивно, лукаво и многообразно. Думать, что зло можно уменьшить, договорившись с ним, — наивно, рассчитывать, что его можно истощить беспрепятственностью, — преступно. Зло слишком удобопревратно, и только решительный волевой отрыв от него — во спасение и меч — решающее орудие.

Оратор обрушивается на тех, кто, не приемля зла, ограничивается тем, что отвертывается от него. Умыв руки, такие люди начинают отыскивать оправдание для своего поведения: бесплодность борьбы, необходимость сохранить себя для семьи и т. д. Отсюда один шаг до оправдания самого зла. Для характеристики этих нравственных дезертиров оратор воскрешает старое русское слово — «хороняка». Заканчивает он призывом к активности, к волевой любви во спасение родины и выражает пожелание, чтобы русские люди пребыли верными творческому духу тех правителей, вождей и воинов русских, кои с умом и славою носили меч свой.

Как мы уже отметили, речь произвела очень большое впечатление.

